

Стихотворения барона Дельвига

СПб. 1829 г.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

В авторе Дельвиге можно различать двух писателей: оригинального и подражателя. Как писатель оригинальный, он является нам в своих песнях и русских рассказах; как подражатель, он, назло своему дарованию, пишет идиллии, гимны и *присловья* в древнем роде. Первый род сочинений его мы можем только хвалить; во втором видим направление не совсем верное для самого автора и для его века. Хотя с похвалами соглашались охотнее, нежели с осуждениями, но мы постараемся подкрепить доказательствами не только все то, в чем будем противоречить безусловным почитателям барона Дельвига, но даже и то, в чем совершенно согласны с ними.

Можно ли подражать искусству древних? Подражать одним формам их, но не духу и формам вместе -- вот что возможно для современников наших. Это и делает барон Дельвиг. У него находим пастушеские стихотворения, написанные гекзаметром; слышим в них имена Дамонов, Хлой, Титиров, Палемонов; видим верование героев его в языческих богов, которым автор и от себя говорит иногда комплименты; встречаем даже *образность*, нераздельную с древними стихотворениями. Но все это только формы; а разве одни формы составляют что-нибудь целое? Не проникнутые соответственным им духом, они бывают невыразительны и, смеем сказать, безобразны.

Прелесть древних пастушеских сочинений составляет детское простодушие действующих лиц, ибо древние действительно были детьми в сельском быту своем. Голубое небо веселило их, щедрая природа избавляла от излишних трудов, и люди, более предававшиеся своим чувствам, не жились не так, как мы, жители севера, которые должны в короткое лето запастись ржаным хлебом и дровами, чтобы не умереть с голоду и не замерзнуть в продолжение осьмимесячной зимы. Наша беззаботность тотчас обращается в беспутство, и местом дружеских бесед нашим поселянам служат не каштановые и лавровые рощи, а кабаки и трактиры. Не говорим о разности религии, совершенно отличающей нас от греков во всех верованиях и обычаях духовных. Даже чувство общественности вовсе потеряно для нас. Мы столько озабочены мелочными, не существовавшими для греков отношениями и нуждами, что нам нельзя забыть о них, и для нас пастушеская беспечность или не существует, или превращается в сентиментальность, в сахарные, смешные слова, остающиеся только словами. Из сего выходит, что современному нам писателю столько же прилично наряжать свои чувства в древнюю идиллию, как свое тело в хламиду. Хламида живописна и ныне, однако же мы не носим ее, и это происходит не от прихоти, а от неизбежных обстоятельств. Все вокруг нас изменилось. Откуда же почерпнет новый поэт душу, которую он должен вложить в свои древние сочинения? "Но, -- скажут нам, -- зачем вам знать, новый или древний писатель барон Дельвиг? Если его идиллии подобны древним, то вы должны только благодарить его за труд".

Спрашиваем: если бы в наше время какой-нибудь писатель предположил себе следующее: "Буду Байроном; стану выражать его чувствования, его взгляд на предметы; перейму его образ выражения". Несмотря на то, что писатель сей был бы современник Байрона, достиг ли бы он своей цели? Наверное: нет! Ибо он может описывать те же предметы, но они различно действуют на душу Байрона и на душу его подражателя. Следственно, выражение подражателя всегда будет неверно. Вообразите подобное подражание древнему миру в наше время и спросите себя: можем ли мы *понимать* предметы и отношения оных так, как понимали их греки? Ответ должен быть отрицательный. Следственно, наш греческий взгляд на предметы едва ли будет и слабым подобием своего образца. Не так ли подражает дитя действиям человека понимающего? И дитя станет делать то же, что человек взрослый, но без сознания, без понятия о сущности своих действий. Не так ли понимали искусство и схоластические учителя средних веков? И они думали, что можно подражать древним, изображая древние предметы; но, впоследствии уже, это привело к тому, что и в новых предметах хотели сохранять древнюю форму. И вот что погубило великих французских поэтов, вот что сбило с истинного пути гениального Корнеля и бессмертного Расина! Разве формы Расина и Корнеля не прекрасны? Думаем, что никто не станет отрицать у них красоты. Но безобразие их составляет несоответственность цели с исполнением. Они думали, что пишут трагедии в роде древних, и, напротив, выражали придворный дух своего времени. Гете, как великий гений, постигающий предметы не поверхностно, и как первоклассный поэт, наконец, как германец, собственно